

УДК 81.25; 81'276.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-121-128

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В АВСТРАЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ А. П. ЛАПАРДИНА)

А. С. Потапова¹, Е. А. Оглезнева²

¹ Томский политехнический университет, Томск

² Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск

Введение. Представлен опыт речевого портретирования одного из представителей русской восточной эмиграции в Австралии в XX в. Австралия была одной из стран, куда реэмигрировали русские эмигранты из Китая, в частности из Харбина – центра русского восточного зарубежья в 60-е гг. XX в. Исследование выполнено в русле лингвоперсонологии – современного направления в лингвистике, изучающего индивидуальные речевые особенности языковой личности.

Целью данной статьи является анализ особенностей речи представителя восточной ветви русской эмиграции в Австралии в совокупности как собственно лингвистических, так и социолингвистических характеристик. Актуальность темы исследования связана с интересом современной лингвистики, характеризующейся антропоцентризмом, вниманием к феномену языковой личности и интересом к языку представителей русского зарубежья, находившихся в XX в. в особых языковых условиях.

Материалы и методы. Основным методом, используемым в статье, – метод речевого портретирования. Материалом исследования послужили аудиозаписи устной речи представителя русского зарубежья в Австралии, являющиеся ценным историческим и языковым источником о русской восточной эмиграции в XX – начале XXI в.

Результаты и обсуждение. Речь представителя русской восточной эмиграции рассмотрена в совокупности как собственно лингвистических, так и социолингвистических характеристик. Особенности его русской речи проанализированы на разных уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Анализ речи русского реэмигранта из Китая в Австралию демонстрирует возможность хорошего сохранения родного русского языка на разных уровнях языковой системы вопреки условиям существования языковой личности в условиях чужой языковой среды в течение всей жизни. В его речи не наблюдается интерференции под влиянием китайского языка, в среде которого он существовал 20 лет и которого он не знал, также не наблюдаем выраженной интерференции под влиянием английского языка, в окружении которого он находится более 50 лет и которым свободно владеет, за исключением немногочисленных англоязычных вкраплений.

Заключение. Высокий уровень сохранности родного русского языка в речи русских реэмигрантов из Харбина в Австралию в значительной степени зависит от факторов субъективных и представляет собой удивительный языковой феномен, демонстрирующий сохранение родного – русского – языка как средства национальной и культурной идентификации и главного атрибута национальной идентичности.

Ключевые слова: русский язык, русский язык зарубежья, восточная ветвь русского зарубежья, лингвоперсонология, языковая личность, речевой портрет, языковые особенности, интерференция.

Введение

В современной лингвистике наметилась тенденция к углубленному изучению индивидуальных особенностей речи человека. Это обусловило появление такого лингвистического направления, как лингвоперсонология. Лингвоперсонология – это раздел языкознания, в рамках которого изучается языковая личность [1, с. 159] (ЯЛ). Объектом лингвоперсонологии является говорящий и его языковые проявления.

Материал и методы

На формирование лингвоперсонологии в сфере лингводидактики повлияли труды Ф. М. Буслаева [2], А. Н. Гвоздева [3]. В 80-е гг. XX в. появились работы Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, непосредственно посвященные изучению ЯЛ. В 1996 г. В. П. Нерознак в статье «Лингвистическая персо-

нология: к определению статуса дисциплины» впервые вводит понятие «лингвоперсонология». В начале XXI в. выделяется объект и предмет исследования лингвоперсонологии, формируется ее терминологический аппарат и методология.

Вклад в становление собственно лингвоперсонологии внесли такие ученые, как Н. Д. Голев [4], Е. В. Иванцова [5], Е. А. Оглезнева [6], в работах которых исследуется ЯЛ носителей литературного языка, диалекта, представителей русского зарубежья.

Особое внимание в последние десятилетия, после того как тема русского зарубежья стала открытой для широкого круга исследователей, уделялось изучению речи представителей разных волн и ветвей русской эмиграции в XX в. [6–9]. Это люди, вынужденные покинуть Россию и жить в эмиграции в разных странах, и их русский язык с течени-

ем времени в разных поколениях его носителей, во-первых, приобретал специфику по сравнению с русским языком в метрополии, а во-вторых, вступал в конкуренцию с другими языками, которые, как правило, начинали входить в область языковой компетенции русских эмигрантов.

Данная статья посвящена анализу особенностей речи интереснейшей языковой личности – Адриана Павловича Лапардина, одного из представителей русской эмиграции в Австралии, попавшего туда в результате реэмиграции из Китая, из Харбина – центра русского восточного зарубежья.

Русское восточное зарубежье имеет свои особенности по сравнению с западным, и эти особенности связаны как с историей его возникновения, так и исходом. Так же, как и в западном варианте эмиграции из России, наибольший поток беженцев пришелся на послереволюционное время, но в восточном варианте беженцы попадали в обустроенный русскими город Харбин в Китае, основанный в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги, являвшейся кратчайшим путем из Москвы во Владивосток. На протяжении первой половины XX в. в Харбине русский язык функционировал во всех возможных коммуникативных сферах, являясь языком не только бытового общения, но и языком образования, культуры, печати, делопроизводства и т. д. [6, с. 27–37], и обладал высокой коммуникативной мощностью, превосходя по этому параметру государственный язык – китайский [6, с. 55, 58]. Особый статус языка в Харбине способствовал формированию условий для длительного сохранения русского языка не только теми русскоговорящими, которые родились в России и волею судеб оказались в Харбине, но и их потомками. Русский исход из Харбина ввиду исторических обстоятельств также носил массовый характер и имел два основных направления: репатриация и реэмиграция в подавляющем большинстве случаев – на австралийский континент. В 60-е гг. XX в. из Харбина в Австралию уехало очень большое количество русских – 15 000 человек [10, с. 126], русская колония в Харбине постепенно начала сходить на нет и прекратила свое существование в начале XXI в. [6, с. 233]

Русскоязычное население Харбина, избравшее путь реэмиграции в Австралию, обосновалось в разных городах Зеленого континента, наибольшая же концентрация русских наблюдалась в городах Сиднее и Брисбене, где по сей день существуют русские общины и общение на русском языке, православные приходы и средства массовой информации для русских на русском языке [10, с. 183–197].

Каждая языковая личность имеет историю формирования своих языковых компетенций и свой

неповторимый речевой облик. Тем более интересна языковая личность, оказавшаяся в особых исторических обстоятельствах, способствовавших скорее утрате родного языка, но демонстрирующая высокий уровень владения им. Этот факт достоин своего описания и научного объяснения.

Объектом изучения в данной статье является русская речь Адриана Лапардина – российского реэмигранта из Китая в Австралию. Материалом исследования послужили аудиозаписи, сделанные в 2014 г. в Австралии и являющиеся ценным историческим и языковым источником о русской эмиграции в XX – начале XXI в.

Целью статьи является анализ особенностей речи Адриана Лапардина как представителя восточной ветви русской эмиграции в Австралии в совокупности как собственно лингвистических, так и социолингвистических характеристик.

Основной метод, используемый при изучении речи Адриана Павловича, – метод речевого портретирования.

Актуальность темы исследования связана с интересом современной лингвистики, характеризующейся антропоцентризмом, вниманием к феномену ЯЛ и интересом к языку представителей русского зарубежья, находившихся в XX в. в особых языковых условиях.

Результаты исследования

Адриан Павлович Лапардин родился в 1942 г. в городе Харбине – центре русской восточной эмиграции. Первые русские эмигранты в Харбине – преимущественно работники Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). После Октябрьской революции в России и гражданской войны в 1920-е гг. русское население Харбина составляло 155 402 человека [11, с. 152]. Это значительная часть населения города. Таким образом, эмигранты из России оказали огромное влияние на жизнь города: Харбин в то время был городом русской культуры, русской архитектуры, с русскими учебными заведениями, театрами, магазинами.

Основной темой разговора с Адрианом Лапардиным является тема жизни вне родины, за пределами России. Можно выделить три гипертемы в интервью: Харбин, Австралия и Россия. В пределах данных гипертем выделяются следующие темы: воспитание детей, жизнь и быт в Харбине, японская оккупация, причины отъезда в Австралию, жизнь эмиграции в Австралии, русская душа, религия.

Родители Адриана Павловича эмигрировали из России в Китай. Семья отца бежала в 20-е гг. в Маньчжурию из Забайкалья. Причиной бегства стала невозможность существования в условиях послевоенной России:

// Отец / маленьким / бежал / ну / его дед / то есть отец / вместе с бабушкой / <...> / бежали / из Забайкалья / ночью / к нему пр[ы]шел его друг / постучал / и сказал / что / Миша / завтра утром тебя забирают // Друг это был его старый / еще [с'] [ja]понской войны / они воевали вместе // И-и / в общем / отцу было всего / вернее деду было / каких-то два часа собраться / и бежать в темноте / собрали / какой-то тюк с вещами / винтовка / шашка // Сели на лошадей / и / ушли // Границу перешли / ну / казаки знали границу пр[э]красно / перешли // Тоже / жил в Маньчжурии / в городе //

Семья матери эмигрировала из России с Белой армией:

Бежали от большевиков // Э / мой дед / со стороны мамы / ушел с белой армией / в Маньчжурию / это город Маньчжурия был / на границе // Он был очень хороший / доктор //

Отец работал на КВЖД помощником машиниста, мать – в больнице санитаркой. Уровень жизни семьи был высоким: работники КВЖД в Китае, как правило, имели хороший доход и жилье. После оккупации Харбина японцами в 1932 г. уровень жизни семьи резко ухудшился:

Вокруг нас жили / в основном / почти все / железнодорожники // В свое время / эти дома были построенные / э / русской дорогой // Р[о]скошные / метровые стены // В каждом доме / при каждом доме / был погреб / при каждом доме был каменный сарай / и огромный участок земли // Это строилось для желе[з]дорозжников // Когда пришли [ja]понцы / то всех железнодорожников русских выселили / дома разделили пополам / и там жили [ja]понцы //

Основная часть жизни Адриана Лапардина в Харбине пришлось на послевоенное время. Это было время массового вытеснения русских из Китая. Изменилась общественная жизнь в Харбине. В эмигрантских школах обучали по новым советским программам, высшие учебные заведения закрыли прием русских студентов, начало действовать Общество советских граждан – ОСГ. В связи с этими обстоятельствами у Адриана Павловича не было возможности получить высшее образование, и он окончил строительные курсы и курсы чертежников машиностроения при ОСГ.

Для нас / русских / все высшие учебные заведения были закрыты / категорически // Мы не могли поступить никуда // Единственное / что мы могли сделать / это общество советских граждан / была такая организация в Харбине / организовывала различные курсы // И я параллельно с десятым классом закончил / курсы чертежников машиностроения / и строительные // <...> Все старались / схватить хоть что-то / какую-то к[у]лификацию / чтобы / как-то утвердиться в жизни //

В 1962 г. Адриан Лапардин со своей семьей и семьей жены эмигрировали из Харбина в Австралию. Не зная английского языка, Адриан Павлович смог устроиться только на завод:

П[о]шел работать сразу через две недели / сестренка тоже // Ну / на завод коне[чн]о / куда можно было без языка / попасть //

Адриан Лапардин принял активное участие в жизни русской диаспоры. Являясь казначеем и вице-председателем Русского благотворительного общества преподобного Сергия Радонежского, Адриан Павлович помог в организации школы Александра Невского в Сиднее, принял участие в составлении планов и в строительстве корпусов русского комплекса:

Мы гордимся тем / что мы создали / мы гордимся тем / что мы делаем // И самое главное / мы гордимся / что мы русские / в Австралии / в чужой стране / создали то / что нету нигде в мире // Нигде в мире нету такой организации / как наша // Нигде в мире нету вот такого комплекса / э / который у нас есть / где живут сто пятьдесят человек / русских православных / и которые // За которыми смотрят / и которые имеют достойную старость //

Адриан Павлович является представителем третьего поколения русской эмиграции в Харбине, первого поколения – в Австралии. Он прожил 20 лет в Китае и 51 год в Австралии. В России был дважды в туристических поездках. Несмотря на то, что Адриан Лапардин родился и всю жизнь прожил за пределами России, он свободно владеет русским языком и стремится сохранить его у своих детей.

Устная речь Адриана Лапардина представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка. Проанализируем ее на разных уровнях языковой системы.

У Адриана Лапардина четкая дикция и средний темп речи.

Произношение Адриана Лапардина практически не подвержено иноязычному влиянию, лишь при вкраплении в русскую речь английских слов Адриан Павлович интонирует их в соответствии с нормами английского языка.

Адриан Лапардин прожил 51 год в Австралии, где официальным языком являлся английский и его изучение было необходимо для профессионального роста и социализации в этой стране.

Адриан Павлович свободно говорит на английском языке, много общается с австралийцами – носителями английского языка.

ФОНЕТИКА

В области произношения гласных можно отметить следующее:

1) в первом предупредительном слоге после твердых согласных произносится как [a], так и [o]: n[a^в]

мо́чь, пр[а^н]спéкт, с [о]мво́на, р[о]ско́шныe, м[оло]ко́м, с[о]бо́ра;

2) тип вокализма предударных слогов после мягких – преимущественно еканье [e^н]: пом[и^н]ша́ет, кр[и^н]щё́нии, вс[и^н]гда́, Харб[и^н]не́. Однако в слове японцы и производных от него словах после мягкого согласного [j] произносится гласный неверхнего подъема [a]: [ja]но́нцы, [ja]но́нцев, [ja]но́нский.

В области произношения согласных:

1) на месте щ произносится долгое мягкое [ш'ш]: е[ш'ш]е, в об[ш'ш]ем, кре[ш'ш]ении, ве[ш'ш]ами;

2) в конце слова или перед [j] произносятся мягкие губные согласные: се[м'ja], се[м'ju];

3) в полных прилагательных м. р. им. п. произносятся мягкие заднеязычные звуки: русс[к'uj], ма-лень[к'uj], советс[к'uj], жесто[к'uj];

4) присутствует ассимилятивная мягкость согласных: про[с't]ила, ше[с't], жи[з'н'], выте[с'н]яли.

Наблюдаются следующие особенности произношения **звукосочетаний**:

1) сочетание букв жж внутри корня произносится как [жж]: е[жж]ай, прие[жж]ают;

2) суффикс -чн на стыке корня произносится как [шн]: коне[шн]о, [шт]о;

3) в слове сюда Адриан Лапардин произносит как твердый [с], так и мягкий [с']: [с']уда, [с]уда.

В произношении **грамматических форм** наблюдаются следующие особенности:

1) в заударной флексии 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения произносится звук [a]: нус[та]т, перево[д'а]т, прихо[д'а]т, хо[д'а]т;

2) в возвратных постфиксах -ся и -сь наблюдается как мягкое, так и твердое произношение согласных: родил[с'а], постарали[с'], устрои[са];

3) ассимиляция в возвратных формах глаголов отсутствует: каже[тса], хоче[тса], отчищае[тса], наблюдае[тса].

В речи Адриана Лапардина доминируют особенности, свойственные петербургскому произносительному варианту нормы, который существовал в метрополии в начале XX в. и был противопоставлен московскому произносительному варианту. Например, еканье в первом предударном после мягких согласных, произношение в первом предударном слоге после твердых гласного средненижнего или среднего подъема, произношение звука [a] в заударной флексии 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения, произношение мягких заднеязычных согласных в полных прилагательных м. р. им. п., произношение мягких согласных в возвратных постфиксах -ся и -сь, отсутствие ассимиляции в возвратных формах глаголов: говори[тса] или говори[тс'а], произношение жж внутри корня как

[жж], произношение слов кто, что, никто как [кто], [что], [никто], произношение сочетания чн на стыке корня и суффикса как [чн].

Вероятно, это связано с тем, что Адриан Павлович родился, получил образование и большую часть жизни прожил в Харбине, где доминировал петербургский произносительный вариант нормы [6, с. 303].

Известно, что главное отличие петербургской орфоэпической нормы в книжном, «буквенном» произношении [12, с. 456]. Данный фактор уменьшает разницу между произношением и написанием, тем самым объединяя людей с разными произносительными особенностями, что способствовало распространению петербургского варианта орфоэпической нормы в эмигрантской среде в Харбине – центре русского восточного зарубежья, которое, в отличие от западного, характеризовалось пестрым социальным составом [6, с. 123].

В речи Адриана Павловича Лапардина наблюдается широкое распространение фонетического эллипсиса, что характерно для разговорной речи: [када], [сосн] (собственно), желе[з]орожников, Михайл[ы]чем, [может], [с']егда, [счас].

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

Морфология является более устойчивой подсистемой русского языка, чем фонетика [13, с. 41]. Речь А. П. Лапардина можно охарактеризовать как грамматически правильную.

Зафиксированы лишь единичные отступления от морфологической нормы русского литературного языка в речи Адриана Лапардина, а именно употребление полных причастий вместо кратких:

«В свое время / эти дома были **построенные** / э / русской дорогой //»

«И-и-и / значит / предложили сем желе[з]орожникам переселяться в старые желе[з]орожные дома / но уже / э / они были **разделенные** пополам / по две семьи на дом //»

В области синтаксиса можно отметить то, что в устной речи А. П. Лапардина преобладают сложные предложения. Такое соотношение нехарактерно для разговорной речи.

Среди простых предложений преобладают неполные предложения с пропуском главных членов. Они позволяют экономным образом доносить информацию и также являются неотъемлемой частью разговорной речи.

Самым распространенным способом осложнения предложения является осложнение однородными членами предложениями.

Для речи Адриана Лапардина характерно использование лексических повторов. Повторы встречаются в речи Адриана Павловича Лапардина в моменты, когда он пытается убедить в чем-либо собеседника.

Честно / коне[чн]о честно!

*Границу перешли / ну / казаки знали границу
пр[э]красно / перешли //*

*Вы знаете / я давно пр[ы]шел / э / к мысли и
твердому убеждению / что у каждого / эм / поко-
ления / може быть / в с ра / разница в пять лет
харбинцев / свое восприятие мира / свое восприя-
тие Харбинà //*

Речь Адриана Лапардина имеет диалоговый ха-
раκτηр и характеризуется обращенностью к собе-
седникам, что проявляется в постоянной апелляции
к ним с помощью слов «знаете», «закройте»,
«извините», «понимаете», «представляете»:

Ну что / ну / господь с вами / знаете //

*Э / заходим / а то место было такое / рабоче-
е / портное местечко / понимаете //*

Частотное использование экспрессивных синтак-
сических конструкций в речи Адриана Лапардина.
Это объясняется во многих случаях его эмоцио-
нальностью, выражающейся в эмоционально окра-
шенных восклицательных высказываниях:

О / дак это ты Галочка Фирсова!

Закройте! Даже трудно сказать!

Вопросно-ответная структура высказывания
также является средством выражения экспрессии в
речи Адриана Лапардина.

... я всегда говорил / почему не назвали Андрей?

*... меня реабилитировали / но / дали тока не-
сколько городов / скажите / куда вы приедете?*

*Почему я так говорю? Потому что / мы при-
ехали / и нужно было помогать родителям //*

ЛЕКСИКА

Лексика, используемая Адрианом Лапардиным,
разнообразна по своей стилистической и экспрес-
сивной окраске. Укажем на лексические особенно-
сти его речи.

1. Основу разговорной речи Адриана Павловича
составляет нейтральная лексика.

2. Частотное используется разговорная лексика:
*нету, здешний, переименовать, надуть «обмануть»,
крыть «ругать», хамство, дележ, вырезать
«истребить», аборигенка, ломались «отбро-
сить».*

3. Частотное используются разговорные слова с
уменьшительно-ласкательными суффиксами: *ме-
стечко, сестренка, потихоньку.*

4. Адриан Лапардин использует в своей речи и
просторечную лексику: *ихний, оттудова.* Просторечная лексика используется Адрианом Павловичем в особенно напряженных моментах его повествования: рассказе о японской оккупации, трудной жизни русских в Австралии, современных реалиях России, которые ему не нравятся.

5. В речи Адриана Лапардина частотна лексика
железнодорожной тематики, связанная с его про-
фессиональной деятельностью: *железнодорожни-*

*ки, чертежники машиностроения, железнодоро-
рожный, сцепщик, паровоз, машинист.*

6. Адриан Павлович в своей речи активно исполь-
зует религиозную лексику: *собор, амвон, крещение.*

6. В речи Адриана Павловича встречается и
книжная лексика. В частности, это устаревшие
слова (бессеребренник [14, с. 101], старорусский
[14, с. 514]), общекнижная лексика (абориген [15,
с. 51], бремя [15, с. 119]).

7. В речи Адриана Лапардина имеется пример
новообразования – наименование – женщины по
профессии – *физиотерапевтка*. Это слово отсут-
ствует в толковых словарях русского языка. Оно
образовано при помощи двух суффиксов: -ист,
(обозначает «лицо, связанное с указанной в основе
деятельностью, профессией, орудием или материа-
лом труда») и -к, (обозначает «лицо женского
пола»). Слово «*физиотерапевтка*» образовано по
продуктивной словообразовательной модели рус-
ского языка и восполняет отсутствие в языке соот-
ветствующей лексической единицы.

8. Частотное употребляются устойчивые выра-
жения, среди которых можно выделить большой
пласт разговорных и просторечных фразеологиче-
ских единиц. Например, *дать дрозда (в знач. на-
пасть) [16, с. 163], в дым пьяный [16, с. 220], на
глаз [16, с. 132], стать на ноги [16, с. 655].*

Некоторые из устойчивых выражений употре-
бляются неправильно. Это выражения *околоточ-
ными путями* (вместо окольными путями) и в *от-
крытом поле* (вместо в чистом поле).

Помимо устойчивых выражений на русском
языке встретилось и устойчивое выражение на ан-
глийском *touch the wood* в значении «постучать по
дереву».

9. Иноязычное влияние в области лексики невелико.
В речи Адриана Лапардина встречается всего
несколько примеров употребления иноязычной
лексики: *John, touch the wood, manager, dentist,
pound*. Несмотря на то, что Адриан Павлович про-
жил 20 лет в Китае, заимствования из китайского
языка не были отмечены.

Лексика – область языка, в которой иноязычное
влияние обнаруживается быстро и заметно [8,
с. 201]. Несмотря на долгое время проживания в
Австралии, соответственно в англоязычной среде,
Адриану Лапардину удалось уберечь свой словар-
ный запас от влияния английского языка, что также
свидетельствует о высоком статусе русского языка
в эмигрантской среде и стремлении к коммуника-
ции посредством своего родного языка.

Заключение

Таким образом, анализ речи русского реэмигранта их Китая в Австралию демонстрирует возможность хорошего сохранения родного русского

языка на разных уровнях языковой системы вопреки условиям существования языковой личности в условиях чужой языковой среды в течение всей жизни. В случае Адриана Лапардина, представляющего второе поколение эмигрантов из России послереволюционной волны, мы не наблюдаем в его речи интерференции под влиянием китайского языка, в окружении которого он существовал 20 лет и которого он не знал, также не наблюдаем выраженной интерференции под влиянием английского языка, в окружении которого он находится более 50 лет и которым свободно владеет, за исключением немногочисленных англоязычных вкраплений. Если хорошему сохранению русского языка в Харбине во втором и

третьем поколениях эмигрантов из России способствовала совокупность объективных (наличие многочисленных общественных институтов и сфер общения на русском языке) и субъективных факторов (личностная нацеленность на сохранение национальной идентичности), то сохранение русского языка в речи русских реэмигрантов из Харбина в Австралию в значительной степени зависит от факторов субъективных и происходит не благодаря, а вопреки внешним обстоятельствам, представляя собой удивительный языковой феномен, демонстрирующий сохранение родного – русского – языка как средства национальной и культурной идентификации и главного атрибута национальной идентичности.

Список литературы

1. Салахова А. Г. Лингвоперсонологический подход в исследовании профессиональной языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. 2015. Ч. II, № 8 (50). С. 159–162.
2. Буслаев Ф. М. О преподавании родного языка. М.: Наука, 1967. 512 с.
3. Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. М.: Учпедгиз, 1950. 96 с.
4. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.
5. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 158 с.
6. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
7. Гордеева С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 363. С. 16–19.
8. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.
9. Гловинская М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии и эмиграции (на материале русского языка) // Жизнь языка. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 174–176.
10. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.
11. Гомбоева С. Ю. Некоторые особенности «восточной ветви» русского зарубежья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2003. № 5. С. 250–252.
12. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2007. 456 с.
13. Караулов Ю. Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья. In: *Revue Russe*, 1992. С. 31–53.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998. 1534 с.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. на основе 4-томного издания 1948 г. М.: Вече, 2001. 799 с.
16. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Потапова Анастасия Сергеевна, аспирант, Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: anastasia.potapova1991@yandex.ru

Оглезнева Елена Александровна, доктор филологических наук, директор Института международных связей и интернационализации образования, Томский государственный архитектурно-строительный университет (Соляная площадь, 2, Томск, Россия, 634003). E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 05.02.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-121-128

SPEECH PORTRAIT OF A REPRESENTATIVE OF THE EASTERN BRANCH OF RUSSIAN EMIGRATION IN AUSTRALIA

A. S. Potapova¹, E. A. Oglezneva²

¹ Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The paper deals with the speech portrayal of a representative of the eastern branch of Russian emigration in Australia. Australia was one of the countries re-emigrated by Russian emigrants from China, particularly from

Harbin, which was the center of Russian eastern emigration in the 1960s. The research was carried out within the framework of linguopersonology, a modern trend in linguistics, which studies the individual speech patterns of a linguistic personality.

The purpose of this paper is to analyze both linguistic and sociolinguistic speech characteristics of a representative of the eastern branch of Russian emigration in Australia. Scientific relevance of the research results from the interest of modern anthropocentric linguistics in the linguistic personality phenomenon and in the language of the Russian emigration, which in the twentieth century existed in special linguistic conditions.

Materials and research methods. The major method used in the paper is the method of speech portrayal. The research was based on the audio records of the speech of a representative of Russian emigration in Australia. These records are a valuable historical and linguistic source of information about the Russian eastern emigration in the twentieth and early twenty-first centuries.

Results and discussion. The speech of a representative of Russian eastern emigration is studied as a set of proper linguistic and sociolinguistic characteristics. His speech patterns are analyzed at different levels of the language system: phonetic, morphological, syntactic and lexical. The speech analysis of the Russian re-emigrant from China to Australia demonstrates a good preservation of the Russian mother tongue at different levels of the language system although throughout his life the linguistic personality existed in a foreign language environment. His speech is not influenced by the Chinese language, which he did not know, though he spent twenty years in China. There is not much interference from the English language except for some borrowings, though he has been living in the English speaking environment for fifty years and is fluent in English.

Conclusion. The high level at which the Russian native language is preserved in the speech of Russian re-emigrants from Harbin to Australia is highly dependent on the subjective factors. It is an amazing linguistic phenomenon, demonstrating the preservation of the native Russian language as a means of national and cultural identification and the main attribute of national identity.

Keywords: *the Russian language, the Russian language of emigration, the eastern branch of Russian emigration, linguopersonology, linguistic personality, speech portrait, linguistic characteristics, interference.*

References

1. Salahova A. G. Lingvopersonologicheskij podhod v issledovanii professional'noj jazykovoj lichnosti [Linguopersonologic approach in studying professional linguistic personality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015, vol. 2, no. 8 (50), pp. 159–162 (in Russian).
2. Buslaev F. M. *O prepodavanii rodnogo jazyka* [On teaching the native language]. Moscow.: Nauka Publ., 1967. 512 p. (in Russian).
3. Gvozdev A. N. *Osnovy russkoj orfografii* [Fundamentals of Russian orthography]. Moscow.: Uchpedgiz Publ., 1950. 96 p. (in Russian).
4. *Lingvopersonologija: tipy jazykovyh lichnostej i lichnostno orientirovannoe obuchenie* [Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-centered education] / by N.D. Goleva, N. V. Sajkovej, Je. P. Homich. Barnaul; Kemerovo: BGPU Publ., 2006. 435 p. (in Russian).
5. Ivancova E. V. *Lingvopersonologija: osnovy teorii jazykovoj lichnosti* [Linguopersonology: fundamentals of the linguistic personality theory]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2010. 158 p. (in Russian).
6. Oglezneva E. A. *Russkij jazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoj rechi v Harbine)* [The Russian language of the eastern branch of Russian emigration (Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009. 352 p. (in Russian).
7. Gordeyeva S. V. K voprosu o yazykovoj kompetensii russkikh i ikh potomkov v kitaeyazychnoy srede (na materiale rechi potomkov russkikh pereselentsev v prigranichnyj Kitaj) [On linguistic competence of the Russians and their descendants in Chinese-speaking backgrounds (based on the speech of the descendants of Russian immigrants in China)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 363, pp. 16–19 (in Russian).
8. *Yazyk russkogo zarubezh'ya. Obshchiye protsessy i rechevye portrety.* Otv. red. E. A. Zemskaya [The language of Russian emigration. Common processes and speech portraits. Ed. by E. A. Zemskaya]. Moscow; Viena, Yazyki slavjanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh Publ., 2001. 496 p. (in Russian).
9. Glovinskaya M. Ya. Yazyk emigratsii kak svidetel'stvo o neustoychivykh uchastkakh yazyka metropolii i emigratsii (na materiale russkogo yazyka) [The language of emigration as the evidence of volatile areas in the languages of metropolis and emigration (based on the Russian language)]. *Zhizn' yazyka: sb. statej* [Language life: collection of articles]. 2016. Pp. 42–59 (in Russian).
10. Rayan N. V. *Rossiya – Kharbin – Avstraliya: Sokhraneniye i utrata yazyka na primere russkoj diaspor, prozhivshyey XX vek vne Rossii* [Russia – Harbin – Australia: preservation and loss of language. The case of Russian diaspora living outside Russia in the twentieth century]. Moscow, Russkij put' Publ., 2005. 208 p. (in Russian).
11. Gomboyeva S. Yu. *Nekotorye osobennosti «vostochnoy vetvi» russkogo zarubezh'ya* [Some characteristics of the eastern branch of Russian emigration]. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2003, no 5, pp. 250–252 (in Russian).
12. Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian literary pronunciation in the 18-th–20-th centuries]. Moscow, URSS Publ., 2007. 456 p. (in Russian).
13. Karaulov Yu. N. *Nekotorye nablyudeniya nad russkim yazykom zarubezh'ya* [Some observations on the Russian language abroad]. *Revue Russe*, 1992, pp. 31–53 (in Russian).

14. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod red. S. A. Kuznetsova [Unabridged defining dictionary of the Russian language. Ed. by S. A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, 1998. 1534 p. (in Russian).
15. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 3 t. na osnove 4-tomnogo izdaniya 1948 goda* [Defining dictionary of the Russian language]. Moscow, Veche Publ., 2001. 799 p. (in Russian).
16. Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the literary Russian language]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2008. 878 p. (in Russian).

Potapova A. S., Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: anastasia.potapova1991@yandex.ru

Oglezneva E. A., Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003). E-mail: eoglezneva@yandex.ru